

Танкер «Дербент»: Сброд -3

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 23 января, 2025

Танкер "Дербент": Сброд -3 3.

Волны бежали вдоль рейда, как перепуганные проворные звери, бледно-зеленые, покрытые коричневыми пятнами нефти. Баржи кланялись им навстречу, скрипели и осторожно окунали крутые ржавые бока. Черный игрушечный буксир сбросил в воду намокший конец, оглушительно гикнул и пошел, приминая волны, волоча за собой извилистый хвост вспененной воды.

В помповом отделении «Дербента» работали грузовые насосы. Палуба слегка звенела, едва заметно приподымаясь над уровнем воды. Басов стоял на мостике у перил, прижимая локти к бокам, чтобы сохранить тепло.

– Неладно скроено это море, – сказал боцман Догайло, стоящий рядом, – совсем даже неудобно оно расположилось, море Каспийское.

Он выставил вперед носок огромного сапога, точно отлитого вместе с его ногой из чугуна.

– Сохнет наше море, питает землю. Знаете в Баку Девичью башню старинную? От башни до моря теперь минуты две ходу. Люди говорят, будто бедную девицу заточили в нее злыдни-ханы и она зачахла с тоски. Башня в то время в море стояла. Ушло море, открыло камни. Так же и здесь, на Астраханском рейде, когда-то глубоко было. Теперь с осадкой в двадцать футов дальше Тюленьей банки идти опасно. Кругом вода – сколько глазу видно, а ходу нет...

Голос у боцмана высокий, задушевный, певучий. Басов с удивлением покосился на огромный коричневый кадык боцмана, расправший воротник его бушлата, и сказал уверенно:

– Скоро углубим дно – тогда до самой Астрахани танкеры без перегрузки пойдут.

Догайло усмехнулся в усы, оглядел собеседника с кротким сожалением и медленно снял фуражку. Ветер зашевелил редкий примятый пух на его яйцевидном черепе.

– Все-то вам легко, все-то вы можете. Только и до вас, я полагаю, образованные люди над этим голову ломали, да отступились. А причина здесь – наносы вредные да течения, которые всю вашу работу уничтожат и фарватер песком затянут. Нет, не быть по-вашему! – закончил он торжествующе и еще раз оглядел Басова степенно и неодобрительно.

Басову не хотелось спорить. Он молча двинулся по мостику.

На заводе у Басова были все-таки свои люди. На заводе были сборщики, и бригадир Ворон, и маленький токарь Эйбат. На судне много отделений, камер, машин. На судне много людей и специальностей. Но на судне у Басова нет своих. Он еще приглядывается к окружающим, но под его взглядом лица скучнеют, зрачки суживаются, исчезают под ресницами. Люди растекаются перед ним, вялые, непостижимо похожие друг на друга. Их исполнительность кажется фальшивой, их серьезность – насмешливой. Молча, как во сне, движутся они в узких проходах машинного отделения, глотают горячий воздух и присаживаются где попало. Молча вертят штурвалы, и бугроватые мышцы вздуваются на их мокрых спинах. Перед сменой вахты они сбиваются на верхней площадке, слушают его объяснения и разглядывают его, как заморское диво. Иногда он появляется незаметно и видит, как покачивается, сидя на корточках и мурлыча себе под нос какую-то ерундовую песню, моторист Гусейн или как разговаривают мотористы Козов и Газарьян, устало тараща на свет глаза, обведенные кольцами копоты:

– Да разве это народ? Их разогнать бы ко всем чертям и набрать новых.

– Эх, милый! Да разве это моряки?

Они сладко поддакивают друг другу, словно они двое и есть настоящие моряки, которых не хватает на «Дербенте». Они лгут друг другу, лгут себе. На самом деле они давно махнули рукой на тонно-мили и на обороты двигателей...

Из открытых кранов хлещут на палубу потоки воды. Струи разбегаются, темнея и обрастая мохнатой пылью. Матросы скользят по мокрой стали, с трудом толкая перед собой швабры, обмотанные набухшим тряпьем. Между ними, как суетливый челнок в основе, ходит Догайло. Матрос Хрулев, свежевыбритый, с

гитарой под мышкой и папиросой, заложенной за ухо, взобрался на корму. Он отбросил со лба белобрысый вьющийся чуб и щипнул струны.

Доктор спросит, чем больна...

Семерых люблю одна...

Эх, милаха!

Басов прошелся до юта. Машинально следил он за чайкой, кружившей над волнами. Вот птица снежно-розовым комом упала вниз и чиркнула крылом по воде. Матрос Хрулев рванул в последний раз визгливо ахнувшие струны, зевнул и равнодушно оглядел Басова.

Здесь, под монотонный гул моторов, у входа в машинное отделение, Басов представил себе этот маленький мирок, ограниченный синей каймой горизонта, крошечный и бесцветный, как чьи-то заплывшие глазки, где каждый примирился с собственным ничтожеством, но презирает за него других: «Эх, милый, разве это народ!»

На заводе Басов считался хорошим организатором, но завод жил до него и живет без него, здесь же все надо было начинать с самого начала. Как? И его мучило от бессилия, от бесплодных попыток двинуть дело. Но стать равнодушным, успокоиться, запереться в каюте он не мог. Какая-то цепкая долька его мозга, надорванная и оглушенная усталостью, все ныла не переставая, как ушибленное место: действовать, повернуть все по-новому, удержав людей на стоянке, перебрать двигатели, поднять обороты... Powestler